

УДК 327.51

А.В. Баликоев

РАЦИОНАЛИЗМ И ИРРАЦИОНАЛИЗМ В ИССЛЕДОВАНИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Исследование движущих сил и механизмов вооруженных конфликтов неизбежно приводит нас к необходимости обсуждения рационального и иррационального начал этого феномена. К данной дихотомии приходит любое каузальное толкование, хотя последнее само по себе есть рационалистический синдром. Рациональный подход в своем наиболее общем воплощении всегда представляет нам одну и ту же схему, в которой *субъект*, стремящийся к некоему полезному *эффекту*, действует в какой-то *ситуации*, как совокупности внешних факторов. И динамикой совокупности данных привходящих факторов объясняется поведение субъекта или же направленность процесса. Разумеется, за субъектом признается активное начало (за процессом – известная автономность), но каузальное толкование всегда определяет действия субъекта через внешние условия.

Для исследователя здесь возможны несколько вариантов действий. Первый, это поиск *универсальной причины*, характерной для всех вооруженных конфликтов на земле. Например: «Спорный ресурс – причина любой войны». Второй подход – выявление обязательного ряда совокупно действующих факторов, отсутствие одного из которых лишает каузального смысла весь ряд в целом. При этом данный ряд факторов также унiversalен. Например: «Вооруженный конфликт происходит только при наличии, во-первых, двух социально организованных сил, во-вторых, социально организованных и вооруженных сил, в-третьих, наличия спорного ресурса, и, в-четвертых, отсутствия возможности или желания мирного и справедливого распределения

спорного ресурса между указанными центрами сил». Отсутствие любого из четырех перечисленных критериев обесмысливает рассмотрение всех остальных. Третий подход, как правило, заключается в том, чтобы каждый отдельный вооруженный конфликт рассматривать как уникальное явление с уникальной же совокупностью причин и предпосылок. Например, британский ученый Лорренс Кили критически замечает, что в ходе научной дискуссии многие участники подразумевают, что война в отдельном регионе (или даже все войны) имеет единственную причину. Однако, по его же мнению, никакое сложное явление не может быть обусловлено какой-либо единственной причиной. Существуют формальные, материальные и целевые причины, также как и необходимые и достаточные условия. Дебаты в антропологии о причинах войны, как считает Кили, могут представлять собой классический случай непризнанной дополнительности.

В целом, соглашаясь с доводами Кили, позволим себе заметить, что в исследовании причин вооруженных конфликтов сам по себе *подход* к исследованию играет определяющую роль. Можно вскрыть весь ряд причин конкретной войны и не приблизиться к ее истинным истокам, а то и удалиться от них. Кили пишет о взаимодополнении причин войны, но главное, это не установление самого по себе *факта* этого взаимодополнения, а выяснение того, *каким образом* эти причины дополняют друг друга. Выявление причин вообще очень опасный процесс, поскольку абсолютно любое даже и случайное событие, так или иначе, зафиксированное в хрониках

может при известном способе аргументации быть объявлено важнейшей предпосылкой или непосредственной причиной войны.

В связи с этим определяется великое множество подходов, тех, что мы можем обозначить в категории «в-четвертых», а именно в категории *эклектических и синтетических* подходов. Например, в рамках монистического подхода, провозглашающего одну единственную причину войн, можно исследовать, как эта «всепричина» воплощается в массе конкретных для каждого вооруженного конфликта предпосылок. Или можно пытаться экстраполировать универсальные каузальные схемы в рамках конкретной ситуации, определяя вероятность наступления или ненаступления войны, как это, например, делает Н. С. Розов с соавторами. Он перечисляет целый ряд критериев, наличием или отсутствием которых можно объяснить динамику вооруженного противоборства в конкретном геополитическом пространстве. Вот эти критерии:

- уровень смежности великих держав, отсутствие между ними буфера в виде мелких государств.
- уровень сдерживающей силы, обеспечивающей длительный мир, и международный порядок системы основополагающих договоров и способности державы-лидера ее поддерживать.
- уровень геополитических притязаний претендующей державы.
- уровень геополитического могущества претендующей державы
- уровень геополитического престижа претендующей державы в системе междуна-

родных отношений.

- уровень противодействия geopolитическим притязаниям государств - оппонентов.

Мы видим здесь типичный пример синтетического подхода, когда каузальный ряд представляет собой ряд переменных, то есть абстрактных величин, но, тем не менее, эта схема вполне может быть приспособлена к любой конкретной ситуации, к любому уникальному содержанию. Однако суть в том, что при всей методичности исследования и логике изложения эта критериальная схема отражает лишь вероятность эскалации вооруженного конфликта в какой-то точке земного шара, но не объясняет и, что интересно, не пытается объяснить причины войны как явления, как действия или, наконец, как нечто *sui generis*, как «вещи в себе». А ведь это крайне важно. Весь анализ, приведенный Н. С. Розовым едва лишь затрагивает малую часть исследуемого вопроса. Ведь большинство вооруженных конфликтов возникает не только и даже не столько между государствами. Неограниченная множественность, как количественного, так и качественного плана центров сил, ведущих организованные военные действия, делают этот ряд критериев применимым только лишь на очень узком участке времени и по отношению к ограниченному кругу субъектов.

В связи с этим альтернативным взглядом на вооруженные конфликты является иррационализм. Иными словами, мы разворачиваем направление исследования не от субъекта к процессу, а, наоборот, от процесса к субъекту. Здесь первичен процесс, который является сам себе первопричиной или, проще говоря, не имеет вообще никаких причин и существует потому что существует, подобно тому как существует гравитация, меру которой мы можем определить, динамику которой мы можем прогнозировать, но сущность которой познать не-

возможно. Таким же точно феноменом является феномен противоборства органических и дискретных саморегулирующихся систем, причем война лишь опосредованное через орудие развитие этого противоборства. Субъекты же указанного противоборства есть не более чем субстрат, на котором вырастает культура войны, в различии этого субстрата свое разнообразие находящая. Субстанция же войны (как формы противоборства) – едина и главным результатом своим имеет уничтожение, оправданное или неоправданное в каждой конкретной ситуации.

Таким образом, как исходный момент мы обозначим следующую мысль. Вооруженный конфликт есть всякий раз действие разрушительных сил, образующих совершенно *самостоятельный* специфический и логический процесс. Как справедливо полагает Дэниел Додни, разрушительные силы являются материальной реальностью, имеющей решающее значение. Разрушительные силы образованы взаимодействием природы, особенно географии, и технологии, представленных через раскрытие природных возможностей и в виде *воплощенной способности разрушения* (курсив мой – А. Б.). Как и в случае производительных сил, отмечает Додни, разрушительные силы вначале были весьма примитивными, но последовательно развивались. Мысль, замечательная тем, что говорит о разрушительных силах, как о самостоятельном феномене, *воплощающемся* в технологии, но не наоборот, как полагает, скажем, российский ученый П. А. Цыганков. Согласно его взглядам, сила и насилие издревле являются наиболее распространенными и решающими в арсенале *средств* (курсив мой – А. Б.) международных акторов. Причем под силой Цыганков П. А. понимает способность международного актора навязать свою волю и тем самым

повлиять на характер международных отношений в собственных интересах.

Цыганков П. А. исследуя литературные источники, отмечает, что наибольшее распространение получили два подхода к пониманию силы – атрибутивный и поведенческий (бихевиоральный).

Атрибутивный подход характерен для политического реализма. Ссылаясь на точку зрения Г. Моргентау, автор пишет, что международная политика, как и любая другая политика, – это, прежде всего, политика силы. Моргентау не делает различий между силой, мощью, властью и влиянием, выражая все это одним термином “power”, обобщающим и обозначающим цель и средство политики государства на мировой арене. Являясь способностью государства контролировать действия других государств, международная политика имеет три основных источника и соответственно преследует три основные цели: стремление к выгоде; опасение понести ущерб или оказаться в невыгодном положении; уважение к людям и институтам. Именно для этого государству и нужна сила (власть, мощь), которая не ограничивается только военными ресурсами, а включает в себя еще целый ряд составных элементов: промышленный потенциал; природные ресурсы; геостратегические преимущества; численность населения; культурные характеристики (национальный характер); национальную мораль; качество дипломатии и государственного руководства.

Сущность бихевиорального подхода в работе Цыганкова не раскрыта. Автор тем не менее, явно пытается рационализировать политику силы, выводя ее из «трех источников, трех составных частей». Однако точно так же можно предположить, что *сила* сама по себе служит источником выгоды, власти и влияния. Сила, воплощаясь в

каждой конкретной культуре и развиваясь в ней достигает определенной величины, соответствующей специфике этой культуры (в том числе и политической).

Согласно Рональду Глоссо-пу, любая группа, вовлеченная в войну, хочет играть роль субъекта, *принимающего решения* для некоторого общества. Будучи неспособной прийти к некоторому взаимно приемлемому порядку посредством торга и переговоров, одна группа стремится физически заставить другую группу принять свои правила для общества, о котором идет речь.

Уточняя, скажем, что *любая* группа, которая стремится играть роль субъекта, принимающего решения для некоторого общества уже вовлекает это общество в войну. Мы всегда должны помнить о том, что группа всегда противостоит *другим группам*, а не *абстрактному обществу*. Мало того, осмелимся утверждать, что существование группы само по себе есть, может и отдаленное, но обязательное и первоначальное условие войны. Впрочем, осмелимся утверждать и обратное: вполне возможно именно война как и всякое противоборство является необходимым условием для формирования группы. Разумеется, речь идет не о формировании групп из отдельных индивидов, а изменение форм организации «протогрупп», осуществляющих более примитивные (не-инструментальные) варианты противоборства. Указанные формы противоборства между такими протогруппами, например, стаями обезьян достигают накала самых настоящих межплеменных стычек с тем или иным количеством жертв. Мы не говорим о самых настоящих массовых и удивительно упорядоченных сражениях между группами насекомых, например, муравьев. В указанных случаях, очень трудно говорить о войне как о средстве, поскольку она этими существует-

ми как средство не осознается и носит инстинктивный характер. Иными словами, далеко не ясно, является ли война самостоятельной формой организации жизни, *относительно которой* формируются субъекты этой войны или же она является продуктом деятельности субъектов (субъект объявляет войну или война объявляет субъекта). При этом существование не воинственных (даже и относительно) сообществ не должно вводить нас в заблуждение. Это сообщества, выработавшие определенный жизненный стереотип в условиях противоборства и биодавления со стороны внешнего мира. Этот стереотип признает войну, но просто исключает участие в военных действиях, как заведомо проигранных и невыгодных для сообщества. Иными словами уход от войны – не противопоставление войне, но действия *в условиях войны*.

Томас Гоббс так писал об универсальном характере войны или, по крайней мере, агрессии: «Мы видим, что все государства, даже пребывая в мире с соседями, охраняет свои границы сторожевыми отрядами, а города – стенами, воротами, стражей; зачем делать это если не из страха перед соседями? Мы видим также, что внутри государств, где существуют законы и наказания, направленные против злодеев, отдельные граждане не путешествуют без оружия и ложатся спать, не только закрыв двери от сограждан, но даже комнаты от слуг. Разве могут люди показывать откровенней, что все они взаимно не доверяют друг другу?»

"Если к природной склонности людей – пишет Гоббс, – вступать в борьбу друг с другом, которую выводят отчасти из страостей, отчасти из пустого самовозвеличивания, ты прибавишь еще, читатель право всех на все, по которому один по праву нападает, а другой по праву защищается, и благодаря которому рождается постоянное заподозрение друг друга и

вражда, если ты оценишь, как трудно, будучи в малом числе и обладая слабым вооружением, уберечься от врагов, нападающих с намерением предупредить нас и угнетать, ты не можешь отрицать, что естественным состоянием людей, прежде чем они соединились в общество, было война, и не простая война, а война всех против всех. Что такое война, как не время, в течение которого желание вступить в борьбу силой выражается с достаточной ясностью в словах и поступках?

Заметим, что Гоббс говорит о *природной склонности* к войне, прибавляя к этой склонности человеческие страсти и пустое самовозвеличивание, то есть сплошь *иррациональные* факторы и ничего о войне как о *средстве*, но как о *естественном* состоянии.

Продолжая разговор о тотальном характере войны, приведем мнение коллектива авторов во главе с профессором Н. С. Розовым, который выделяет следующие характеристики войны.

1. Повсеместность и (в общем случае) постоянное и нерегулярное возобновление войн; иными словами, войны происходили практически везде, где появлялись человеческие сообщества (возможно при некоторой критической массе населения), войны возобновляются, т.е. «вечный мир» не наступает ни в одном населенном регионе, вместе с тем войны разражаются, как правило, нерегулярно (кроме случаев ежегодных завоевательных или колониальных кампаний).

2. Разнообразие войн по множеству параметров, из которых выделим количество участников (от сотен индивидов в межплеменных войнах и до миллионов в мировых войнах XX в.), длительность (от нескольких дней до десятков лет), масштабы жертв (от практически бескровных войн до войн с массовыми жертвами исчисляемыми миллионами), масштабы

разрушения (войны, ограничивающиеся маневрами боевых частей, и войны с ядерными ударами, на много лет, делающими территорию непригодной для жизни).

3. Особенности общей исторической динамики войн, в том числе: а) явная корреляция милитаризации обществ с социальным и технологическим развитием; б) военные революции, приводящие к скачкообразному росту масштабов и интенсивности войн; в) разного рода циклы войны и мира, характера войн; г) легитимация и делегитимация войн в истории человечества.

Итак, следуя логике авторов, война существует повсюду, где есть человек, при том в самых разных формах. Переводя эти положения в парадигму нашего исследования, укажем, что война существует везде, где существуют саморегулирующиеся дискретные системы (социальные центры сил) и специфика каждой конкретной войны определяется *культурной* спецификой противоборствующих центров.

Выделяя воинственность страны в качестве самостоятельного феномена, американский геополитик Ричард Блэкберн полагает, что указанная воинственность непосредственно определяется состоянием *характерного способа безопасности*, который Блэкберн рассматривает безотносительно к способу производства. Общества могут обладать мощным способом безопасности, - говорит Блэкберн, - при отсталом способе производства или же иметь процветающую экономику при уязвимом способе безопасности.

Последнее утверждение весьма интересно, но очень спорно. Между способом производства и воинственностью существует самая тесная взаимосвязь. А.И. Агрономов, описывая быт и нравы доисламских арабов, отмечает, что их культура оправдывала грабеж, воровство и хитрость, которыми арабы пользовались в пустыне,

как средствами существования. Занятие трудом и снискание средств к жизни мирными путями было унизительным. Поэтому араб предпочитал ленивую и гордую бедность трудовой и униженной жизни и стремился к приобретению ленивого и гордого богатства, основанного на грабеже. Грабеж, таким образом, в глазах арабов пользовался уважением и имел значение победы. Ограбить путешественника было для них также похвально, как взять город приступом или овладеть провинцией. Однако автор прав в том, что не существует *односторонней* зависимости военной культуры от способа производства. Было бы разумным рассматривать их как взаимодополняющие факторы в рамках некоего системного единства, своеобразие динамики которого и определяет, когда и как данный центр силы вступит в войну.

Что касается процветающих экономически обществ с низким уровнем безопасности, то, во-первых, безопасность такого общества может обеспечиваться *коалицией* с более воинственным политическим субъектом, что снимает с экономики страны груз затратного оборонного производства, во-вторых, такие страны (например, страны BENILUX) существуют только в *геополитически безопасных регионах*, где угрозы прямой военной интервенции на данный момент не существует. И, третье, территория, занимаемая такими сообществами, не представляет собой особой *ресурсной ценности*, как *повода* для такой интервенции, а их геополитическое положение не является *ключевым* в рамках осуществления намерений регионального или мирового господства. Тем не менее, Блэкберн не отказывает в существовании классическим «источникам и составным частям». Разница лишь в том, что для Блэкберна это источники безопасности, а не политики силы. Но, исходя из ар-

гументов ученого, эта разница ничтожна.

Очень важное значение для истории, пишет Блэкберн, - имеет тот факт, что безопасность часто достигается путем внешней агрессии и империализма. Однако это не означает непременного отрицания того, что внешний экспансионизм может быть в значительной степени мотивирован экономическими соображениями в царстве свободы, но просто указывает на то, что стремление к безопасности тоже может служить источником агрессии. Существует несколько типов причин, по которым государство может начать войну, причем они совсем не исключают друг друга. Эти причины распадаются на две широкие категории: во-первых, связанные с экономическими выгодами и, во-вторых, связанные с безопасностью, как внешней, так и внутренней. Источником военных столкновений, в общем, служит либо динамика способа производства, либо динамика способа безопасности. Таким образом, государства могут становиться агрессивными вследствие своих империалистических и захватнических стремлений, идет ли речь о рабах и земле в древности, о крепостных и поместьях при феодализме или о колониях и экономических «сферах влияния» при капитализме.

На примере приведенных концепций, мы стремимся показать, что, во-первых, война не является *частным* случаем политики, но определяет политику государств в целом и, во-вторых, не прекращается с ускорением научно-технического или культурного прогресса. Напротив, ее масштабы разрастаются. Средства войны по своей эффективности настолько высоки, что уже превысили некий критический уровень, за которым эффект при их применении может нанести серьезный ущерб самому агрессору (оружие массового уничтожения). И не логично ли бы предполагать, что

все мирные инициативы периода после Второй мировой войны связаны именно с чрезвычайно высокой эффективностью оружия массового поражения, но не с отказом от практики войны вообще. Наоборот, именно после мировой войны планету в буквальном смысле захлестнула череда вооруженных конфликтов регионального характера, да еще на фоне противостояния двух военных лагерей, активно поддерживающих те или иные стороны в локальных столкновениях.

Как указано в работе М. М. Лебедевой, события в мире стали развиваться так, что количество локальных и региональных конфликтов с применением насилия в мире сразу после завершения холодной войны увеличилось. Не снизился и *накал* военных столкновений. Говоря о современных тенденциях Рональд Глоссол отмечает, тот факт, что войны стали реже, однако количество жертв стало больше. Он приводит пример Шестидневной войны на Ближнем Востоке 1967 г., где за шесть дней в результате боевых действий погибло 19 600 человек – 3266 в день. Количество погибших в этой войне с участием только четырех стран составляет почти половину от 6897 в день, убитых по всему миру при участии 28 стран в период Первой мировой войны и в 1,8 больше, чем 1770 смертей в день в ходе Корейской войны.

Тем не менее, в течение второй половины XX века крупные и могущественные державы проигрывают одну войну за другой, причем технологически более слабым противникам. Рушится система колониального господства. Вооруженные конфликты, с одной стороны, все больше загоняются в узкие правовые рамки, чему способствует усиление роли СМИ. То есть, войну стремятся подчинить неким правилам, основанным на большем гуманизме. Однако это немедленно

ускоряет развитие партизанско-террористических доктрин, использующих это слабое место легитимной вооруженной силы.

Эту тенденцию усиливает и рост технологий, который делает крупномасштабную классическую войну все более и более дорогостоящей. Глобализация и сопровождающее ее «размытие границ» окончательно выводят терроризм на первый план, перенаправляя вооруженное насилие с регулярных воинских подразделений на салоны авиалайнеров, залы вокзалов и крупных магазинов. Указанная тенденция все более уравнивает сильных и слабых в военном плане субъектов. Сильная армия и флот больше не являются решающими факторами победы и контроля над захваченной территорией, зато более важную роль начинают играть спецслужбы и боевые спецподразделения. Афганская война СССР и все войны, которые вели США после 40-х годов XX в. наглядное тому подтверждение. Военной стратегии захвата и удержания противопоставлена целенаправленно антигуманская террористическая стратегия тотального устрашения. Территориальная экспансия уходит в небытие в результате установления принципа нерушимости границ. На арену межсистемного естественного отбора выходит демографическая, культурная и экономическая формы экспансии. Последнее связано с явной демократизацией форм государственного правления в послевоенной Европе и Америке, а также ослаблением ксенофобии и расового неприятия с поражением нацизма.

С мировой арены практически исчезли «классические» межгосударственные конфликты, которые были типичны для расцвета государственно-центристской политической модели мира.

На смену межгосударственным пришли внутренние конфликты, протекающие в рамках одного государства. Среди них

можно выделить три группы:

- конфликты между центральными властями и этнической/религиозной группой (группами);
- между различными этническими или религиозными группами;
- между государством/государствами и неправительственной (террористической) структурой.

Вывод: война не исчезает, война меняет свое лицо.

Иными словами, война не является просто регулятором, эффективным или неэффективным, отношений между различными политическими субъектами. Общепринятый взгляд на вооруженный конфликт укладывается в следующую схему. Развитие политических субъектов выявляет зоны общих интересов и при невозможности (действительной, мыслимой или декларируемой) определить разумные пропорции реализации этих интересов в спорных зонах ставит оппонентов перед необходимостью агрессивных действий. А далее в зависимости от обстоятельств, политической воли и амбиций оппонентов вооруженный конфликт может разгореться, а может и разрешиться политическим путем на ранних стадиях. Если строго следовать исторической логике, то может возникнуть впечатление, что движущие силы и механизмы вооруженных конфликтов соотносятся друг с другом так же, как надстройка и базис в марксистской формационной концепции развития общества. Уровень развития политических элит (как центров сил), согласно этой логике, возрастает быстрее, чем уровень развития решения политических проблем. В то время, как экономическая ситуация в Европе в 30-х годах XX в. настойчиво подталкивала страны региона к интеграции и сотрудничеству, способом воплощения такой интеграции стала война. Результатом стало разрушение фактически всей экономики Европы и

резкое возвышение США на мировой арене. Однако те же силы, что определили начало Второй мировой войны (крупный монополистический капитал), впоследствии служили идеей создания единого экономического пространства и в дальнейшем глобализации в общемировых масштабах. И все потому, что военный способ традиционно казался эффективнее иных. После войны убеждения сменились и Европа, несмотря на острое противостояние двух миров, больше не вернулась к силовым вариантам разрешения конфликтных ситуаций (конфликт на постюгославском пространстве не является чисто европейской войной). Даже когда отношения между Востоком и Западом периода «холодной войны» в целом характеризовались как конфликтные, это не исключало развития контактов и взаимодействия между странами во многих сферах. Вооруженное насилие как способ решения политических проблем архаичен и воспроизводится социальными системами либо в силу их глубокой иррациональной инертности, либо в силу самой по себе системности войны.

Однако исторический анализ показывает, что война *всегда иррациональна*. Не было ни одного случая в истории человечества, когда бы возможное мирное решение политического спора не было бы более выгодным для оппонентов, чем война. Разумеется, в данном случае речь не идет об освободительных или оборонительных войнах. Мы не упоминаем здесь еще и многочисленные и наиболее кровопролитные религиозные и гражданские войны. Кроме того, масштабы разрушений и людских потерь в результате войн для большинства воюющих сводили к минимуму многие выгоды от завоеваний. Очевидно, что в результате экономического и культурного обмена эти выгоды могли быть и бывают значительно большими.

Провозглашая иррационализм войны, мы нисколько не стремимся принизить влияние прагматических мотивов ее участников. Без сомнения все рационалистические теории относительно движущих сил конфликта верны по сути своей и спорный ресурс является объектом любого вооруженного конфликта. Во всяком случае, население политий, лишенных сколько-нибудь важных ресурсов и geopolitically малозначимых, может в меньшей степени беспокоиться за свою безопасность, чем правительства и жители «ключевых» регионов. Верно и то, что война есть частое следствие неравномерного экономического развития, и поляризация «бедные – богатые», а особенно при усиленной эксплуатации «богатыми» «бедных» есть самая благодатная почва для войны (даже при слабейшей военной организации). Однако самая главная проблема является в следующем: как мы уже указывали, вооруженный конфликт оказывается самым *неэффективным* способом разрешения проблемы спорного ресурса даже если война выиграна с максимально быстро и фактически без потерь. Захват ресурса в результате вооруженных действий *ускоряет* его потребление и, как следствие, приводит к гораздо более быстрому его истощению, чем, если бы система изыскивала бы иные способы сохранения ресурса. Кроме того, война сама по себе есть резкое напряжение и быстрое истощение всех видов ресурсов системы, так что приобретения, полученные в результате войны, чаще всего, не ведут к особому росту жизненного уровня системы. Опыт многих стран показывает, что конструктивное культивирование ресурса с постепенным снижением численности потребителей ресурса, осуществляемого с помощью демографических рычагов – вот самый гармоничный и действенный способ решения проблемы ограни-

ченности ресурсов. Ведь страны золотого миллиарда стали по настоящему процветающими именно тогда, когда перестали воевать друг с другом. Этот парадокс налицо. Поэтому политическое вооруженное насилие как средство разрешения конфликта можно рассматривать, как своеобразный «рефлекс», тот самый замкнутый и постоянно воспроизводимый определенными «контурами» процесс, о котором мы говорили выше.

В условиях бурной, научно-технической революции и неизбежно следующим за ним общественным прогрессом война все более принимает иррациональный характер, а ее эффективность в достижении политических целей все более снижается.

Экономическая интеграция и следующая за ней созависимость политических субъектов серьезно ограничивает современные державы в военном отношении. Любая силовая акция немедленно отражается на состоянии мирового экономического «организма», который с ходом научно-технического прогресса все растет и укрепляется. Можно ли с уверенностью прогнозировать дальнейшее ослабление военного фактора во взаимодействии социальных систем, в силу все более возрастающей его неэффективности? Очевидно, нет. Ведь подавляющее большинство горячих точек существуют благодаря многоуровнему экономическому противостоянию держав.

Армия на современном этапе помимо оборонительной задачи выполняет больше полицейские функции. Вмешательство во внутренние дела противостоящих социальных систем осуществляется преимущественно через инициирование и эскалацию внутренних конфликтов, формирование и/или поддержание выгодного правительства. Это требует гораздо меньших расходов, чем прямой захват территории и удержание этой территории с враждебным и агрессивным населением.

По данным Рэндалла Коллинза, в течение Нового времени и современности технология постоянно дорожала. Даже в классические времена дальняя кампания с участием пехоты была дороже, чем ближняя, поскольку каждый день марша означал прибавление суточной стоимости продовольствия, которое должно было перевозиться вместе с армией, а также продовольствия для самих людей и животных его доставлявших. Везде, где было возможно, традиционные армии пытались снизить остроту данной проблемы путем добычи продовольствия и фуражка у местного населения. Это означало, что армия истощала местные источники обеспечения и должна была продолжать движение для своего прокорма. Когда армия проходила через опустошенную территорию или была связана продолжительной осадой, такой метод пропитания уже не мог использоваться и протяженность линий обеспечения задавала жесткое ограничение военной экспансии.

Сегодня проблема логистики (материально-технического снабжения, доставки грузов) стала гораздо острее. Традиционные армии обычно были малы, порядка 5-25 тыс. чел. в 1400-х гг. или 60-100 тыс. чел. в 1600- 1700-е гг. В XX в. армии стали гораздо крупнее. Армии, сражавшиеся в Первую мировую войну, составляли прибли-

зительно от 500 тыс. до 1 млн. чел.; немецкое вторжение в Россию во Второй мировой войне было начато армией численностью 3 500 000 солдат. Это уже делало невозможным добывку продовольствия на месте, современные армии стали абсолютно зависимы от линий обеспечения, связывающими их с исходными ресурсными базами.

Современная армия может израсходовать за несколько недель такой же объем боеприпасов, какого хватило бы армиям прошлого на годы боевых действий. Тогда как древняя армия была почти полностью составлена из боевых войск, в современной армии 90% личного состава не являются собственно бойцами.

Мы вправе сделать следующее суждение: *война объективно не необходима, но война объективно существует*. Мэтью Мелко в своих лекциях говорит: «Широко распространено представление, что всеобщие войны играют важную роль в истории. Я сам исходил из той предпосылки, что они не только важны, но выполняют некую интегральную функцию в процессе долговременного развития системы государств. Однако данные свидетельствуют о том, что эти войны ни в каком смысле не были необходимы для функционирования ни системы государств, ни цивилизации, и возможно, они являются просто случайными событиями, проис-

ходящими в той ситуации, когда большинство великих держав оказываются вовлеченными в достаточно длительный конфликт».

Вполне логичным выводом из этих рассуждений следует, что война есть изначально самостоятельный (автономный, системный) процесс, *первичный* по отношению к участникам военных действий. Если жизнь (по Ф.Энгельсу) – способ существования белковых тел, то война - это способ существования центров сил (дискретных саморегулирующихся систем) который делит жизнь на войну и мир, не как на разные *стадии* (уровни) войны. Как только гипотетически война исчезает из жизни человека, сразу же перестают существовать вообще какие бы то ни было центры сил. Дискретные саморегулирующиеся системы, а также различные формы их организаций (структурированные коалиции и т.п.) существуют исключительно в противоборстве. Они обнаруживают себя в противоборстве, развиваются в противоборстве и умирают тоже в противоборстве. Война это высшая стадия указанного противоборства, на которой инструментарий уничтожения не является больше частью организма, но становится совершенствованием *орудием*, а само уничтожение развивается в культуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Война и geopolитика. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, анализу мировых систем и цивилизаций. Под ред. Н. С. Розова. НГУ. Новосибирск 2003. 570 с.
2. Цыганков П. А. Теория международных отношений: Учеб. Пособие. – М.: Гардарики, 2002. – 590 с.
3. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. 304 с.
4. Макродинамика: Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / Под ред. Н. С. Розова / А. А. Изгарская, Н. С. Розов, Ю. Б. Вергейм и др. – Новосибирск: Наука, 2002. – 468 с.
5. Агрономов А.И. Джихад: священная война мухаммедан. М.: Издательство: «Крафт+», 2002, 152 с.
6. Мировая политика: Учебник для вузов/М. М. Лебедева. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 351 с.

□ Автор статьи:

Баликоев

Асламбек Владимирович

- канд. пед. наук (Сибирский институт международных отношений и регионоведения)